

Филип Коттрелл ВЗЛОМАННОЕ ПОДСОЗНАНИЕ

18+

Феликс Костров

ВЗЛОМАННОЕ ПОДСОЗНАНИЕ

«Автор»

2026

Костров Ф.

**ВЗЛОМАННОЕ ПОДСОЗНАНИЕ / Ф. Костров — «Автор»,
2026**

Москва, 1993 год. Город лихорадит от перемен, а уличные законы диктуют свои правила. Наглость, молодость и мимолётное знакомство с красивой девушкой Динарой на залитой солнцем улице навсегда меняют жизнь обычного парня. Обычный уличный роман оборачивается опасной игрой, ведь Динара — дочь начальника секретного отдела КГБ. Каждый шаг, каждый звонок из автомата и каждая встреча уже занесены в аналитические сводки на Лубянке. Парень оказывается внутри Системы, где его тесть — не просто родственник, а пугающий учёный с суггестивными приборами, способными вскрыть человеческое подсознание. Какую цену придётся заплатить за любовь, если ты стал объектом оперативной разработки, а вокруг тебя медленно сжимается невидимая петля? Был ли этот выбор случайным, или подсознание уже взломано?

© Костров Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Главы с 1-6	6
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКЛЕЙМЕР РУКОПИСИ	7
ГЛАВА 1. ТОЧКА ВХОДА	8
ГЛАВА 2. ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА	10
ГЛАВА 3. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ	12
ГЛАВА 4. ПЯТЫЙ ЭТАЖ «ПЕКИНА»	14
ГЛАВА 5. МОЙ ВНУТРЕННИЙ КОНТУР	17
ГЛАВА 6. ИГРЫ СУГГЕСТИИ	22
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Феликс Костров
ВЗЛОМАННОЕ ПОДСОЗНАНИЕ

Главы с 1-6

ВЗЛОМАННОЕ ПОДСОЗНАНИЕ

Роман в жанре психологического конспирологического триллера

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКЛЕЙМЕР РУКОПИСИ

Все имена, фамилии и личные данные персонажей полностью изменены в целях обеспечения конфиденциальности и личной безопасности участников описываемых исторических событий. Любые совпадения с реальными лицами, живущими или жившими, являются абсолютно случайными, за исключением упоминаний общеизвестных исторических деятелей, государственных лидеров и официальных названий ведомств. Все географические локации, включая гостиницу «Пекин», Белорусский вокзал и территорию ВДНХ, оставлены подлинными ради сохранения аутентичной и достоверной атмосферы Москвы 1993 года.

ГЛАВА 1. ТОЧКА ВХОДА

В девяносто третьем Москва не жила — она лихорадила. Город принадлежал тем, у кого хватало наглости брать его за горло. У меня в то время уже назревали свои, вполне конкретные проблемы с законом, но в тот день небо над столицей казалось бесконечным.

Погода стояла отличная. Для переменчивого московского девяносто третьего года это был на редкость теплый, погожий и залитый солнцем день. Мы мчались с парнями на машине, окна были опущены настежь, ловя горячий городской воздух. В салоне стоял дым коромыслом, мы веселились напропалую под хриплый, рвущий душу голос Шевчука. Из динамиков на весь двор орала ДДТ «Что такое осень». Это была чистая эйфория молодости, когда кажется, что все проблемы с законом, которые уже тихо сжимались вокруг меня, остались где-то на обочине этой залитой солнцем трассы.

Мы влетели во двор типовых панельных домов, и тут мой взгляд намертво зацепился за силуэт возле одного из подъездов.

Она стояла спиной к дороге. В этот теплый день на ней было что-то легкое, идеально подчеркивающее фигуру. То, как соблазнительно и четко выделялся её оттопыренный, аккуратный силуэт сзади, не оставило мне ни единого шанса проехать мимо. Чистый мужской инстинкт сработал в ту же секунду.

— Тормози! Остановитесь! — крикнул я парням, перекрывая музыку. — Посмотрите, какая она классная!

Машина с визгом притерлась к бордюру, подняв облако пыли. Парни что-то со смехом прокричали мне вслед, но я уже не слушал. Я буквально вылетел из салона на залитый солнцем асфальт, захлопнул тяжелую дверь и решительно пошел на таран, на ходу придумывая хитрый маневр.

Подойдя ближе, я сделал максимально наивное и серьезное лицо:

— Девушка, добрый день. Подскажите, а вы не знаете... тут вот в соседнем подъезде живет одна просто потрясающая девчонка... — и я, на ходу глядя на неё, принялся в деталях описывать её же собственные идеальные формы, черты лица и одежду.

Она слушала меня ровно полминуты. На её губах заиграла легкая, чертовски проницательная улыбка. Медленно обернувшись и смерив меня долгим взглядом, она без тени смущения прервала мой вдохновенный монолог и выдала со смешком прямо в лоб:

— Ты что, познакомиться со мной хочешь?

Вся моя напускная наглость и заготовленные байки куда-то испарились. Глядя на неё под яркими лучами солнца, я выдал самое простодушное выражение лица, на какое был способен, и честно ответил:

— Ага.

Я стоял там, улыбался теплему дню, абсолютно уверенный, что моя импровизация сработала на сто процентов. Я был невероятно наивен. Я еще не знал, что эта красивая девчонка — дочь начальника секретного отдела КГБ, и мое веселое «Ага» навсегда меняет мою жизнь, запуская невидимые шестеренки оперативной разработки.

Она звонко рассмеялась. Моя мгновенная капитуляция и это простодушное «Ага» явно пришлись ей по душе больше, чем если бы я продолжил сыпать заезженными уличными подкатами. Напряжение спало, и мы прямо там, под мягким солнцем девяносто третьего года, проболтали добрых полчаса. Для себя я назвал её Динарой — имя, которое теперь навсегда ассоциируется у меня с началом той крутой развилки, на которую повернула моя судьба.

В тот день я не узнал о ней практически ничего лишнего. Динара оставила мне свой номер домашнего телефона, хитро улыбнулась на прощание и скрылась за тяжелой дверью

подъезда. Я вернулся в машину к парням победителем, под все тот же непрекращающийся хрип Шевчука из колонок.

Следующие две недели пролетели как в тумане. Это было классическое, красивое и совершенно беззаботное ухаживание. Я звонил ей из автоматов, мы встречались в центре, гуляли по засыпающей летней Москве, заходили в первые шумные коммерческие кафе. Я ухаживал за ней со всем азартом двадцатилетнего парня: цветы, дурацкие шутки, попытки произвести впечатление. У меня по-прежнему оставался свой шлейф нерешенных проблем с законом, но рядом с ней они казались какими-то далекими и неважными.

Я был абсолютно, кристально чист в своих намерениях. Я просто влюбился в красивую девчонку. И я понятия не имел, что эти две недели за каждым нашим шагом, за каждым моим телефонным звонком и за каждой встречей уже внимательно и бесстрастно наблюдали аналитики с Лубянки. Я думал, что веду обычный роман, но на самом деле я уже шагал по коридору, стены которого медленно сужались.

Правда обрушилась на меня ровно через две недели, когда пришло время знакомиться с её семьей. И это знакомство разделило мою жизнь на «до» и «после».

ГЛАВА 2. ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА

Приглашение в гости последовало сразу за этими двумя неделями наших прогулок. Всё произошло гораздо быстрее, чем я мог ожидать. В один из дней Динара совершенно естественно, как о чем-то будничном, предложила:

— Слушай, а пойдем ко мне домой? Родителей всё равно нет, посидим спокойно.

Я с радостью согласился, уверенный, что это обычный визит к любимой девушке. Мы зашли к ней в квартиру. Она встретила нас тишиной просторных комнат. Это было ведомственное жилье, но внешне всё выглядело абсолютно стандартно, без каких-либо бросающихся в глаза отличий. Мы прошли в комнату, включили музыку, о чем-то разговаривали и смеялись, полностью погруженные друг в друга. Мне казалось, что мы надежно защищены от всего мира.

Но этот беззаботный покой длился недолго.

Входная дверь в прихожей внезапно хлопнула. Послышались резкие шаги. Через пару минут в комнату вошла её мама — бывшая жена начальника секретного отдела КГБ.

Она остановилась на пороге, и её взгляд мгновенно, как луч сканера, прошил меня насквозь. В этом холодном взгляде читался ледяной опыт человека, который слишком много лет прожил внутри Системы.

Она мгновенно считала мой бэкграунд, мой шлейф проблем с законом, который сквозил в каждом моем движении, и строго, без лишних предисловий, отчеканила прямо мне в лицо:

— Чтобы через минуту тебя здесь не было. Срочно покинь квартиру.

Голос матери Динары прозвучал как выстрел — сухо, хлестко, без малейшего намека на семейную вежливость. Я опешил, вся моя уличная наглость в секунду испарилась. Динара вспыхнула, попыталась что-то возразить, но мать оборвала её одним ледяным взмахом руки. Я молча поднялся, накинул куртку и вышел на лестничную клетку. Дверь квартиры захлопнулась за мной с глухим стуком.

Но я не успел сделать и трех шагов по прохладной лестничной клетке, как замок за моей спиной резко щелкнул снова.

Динара не осталась дома. В знак протеста против материнского диктата она вылетела в подъезд вслед за мной — бледная, с горящими, решительными глазами. Она наотрез отказалась оставаться там, где выставили её мужчину. Мы спустились во двор, и только тогда, на теплой московской улице, правда наконец обрушилась на меня.

— Прости её, — быстро заговорила Динара, пытаясь успокоить дыхание. — У нас в семье всё... слишком строго. Ты просто не понимаешь, кто мой отец.

Прямо там, на лавке у подъезда, она впервые открыла мне карты. Моя эффектная, веселая девчонка оказалась дочерью начальника секретного отдела КГБ — человека, который руководил операциями уровня «Особой важности», обладал абсолютной суггестивной устойчивостью и жил по законам жестких, безжалостных инструкций. Его невидимая тень управляла каждым метром этой квартиры, и её мама просто сработала как обученный механизм — попыталась зачистить периметр от чужака.

Уже гораздо позже, по крупицам собирая информацию, я узнал, какая уникальная специфика скрывалась внутри этой самой обычной с виду квартиры. Еще до ввода жилого дома в эксплуатацию, когда объект только готовился к сдаче, туда заехала группа специалистов. Полностью перекрыв весь периметр квартиры и никого чужого внутрь не подпуская, они с самого начала делали там свой, личный ремонт. Главным узлом этой планировки была секретная комната — замаскированное помещение, созданное для того, чтобы в случае необходимости там можно было резко и надежно спрятаться. Технологии отделки были такими, что при закрытых окнах там наступала абсолютная, глухая тишина. Ни один звук или сигнал снаружи не мог

нарушить этот покой. Но всё это было тщательно замаскировано под самый банальный повседневный быт.

В тот день Динара назад в эту квартиру не вернулась. Из-за своего протеста она уехала вместе со мной, и некоторое время мы жили у меня. Это были дни, когда наши отношения проверялись на прочность уже в совершенно других, моих бытовых реалиях. Динара без колебаний сменила просторную квартиру на мою жизнь, и этот шаг окончательно доказал мне, что всё между нами по-настоящему.

Я до сих пор не знаю, какие невидимые миру переговоры шли все эти дни между ней и матерью по телефону. Но Динара обладала отцовской породой — стальной волей, которую невозможно было сломать. Каким-то непостижимым образом она смогла полностью переупрямить мать, заставив Систему пойти на компромисс. Изгнание закончилось самой неожиданной развязкой.

Динара сумела уговорить её, и было принято решение: мы возвращаемся, но теперь я переезжаю туда жить официально, в качестве её мужчины. Удивительно, но в той семье на меня сразу стали смотреть как на главу дома. Такое было воспитание.

ГЛАВА 3. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Наше личное знакомство с хозяином этого скрытого контура произошло совсем при других обстоятельствах. Вскоре он пригласил нас с Динарой к себе в гости — на новоселье в свою новую квартиру.

Перед самой поездкой, глядя на суету Динары, собиравшей подарок, я не удержался и задал её матери вполне логичный для Москвы девяносто третьего года вопрос. Меня поразили сроки: с тех пор как полковник ушел из семьи с собакой, прошло совсем немного времени, а у него уже появилось новое, элитное жилье в столице.

— Как у него так быстро появилась новая квартира? Откуда вообще такие деньги? — спросил я тещу напрямую.

Она посмотрела на меня своим привычным, ледяным ведомственным взглядом, в котором сквозило знание вещей, скрытых от обычных обывателей. На её лице не дрогнул ни один мускул. Тёща сухо, без лишних эмоций пояснила, что они сделали крышу какому-то крупному банку. За эту оперативно-лоббистскую услугу коммерческая структура рассчиталась напрямую с ведомством, и им выдали каждому офицеру из отдела по квартире.

Эта короткая фраза мгновенно протрезвила меня. Страна ломалась, спецслужбы активно вращались в молодой российский капитализм, и мой будущий тесть находился в самом центре этих теневых финансовых потоков. Эта поездка на новоселье становилась для меня еще более интересной и опасной историей.

Напряжение возникло в ту самую секунду, когда мы приехали по адресу и переступили порог его нового жилья. Едва за нами закрылась входная дверь, как из глубины длинного коридора бесшумно, словно серая тень, выросла огромная немецкая овчарка. Пес замер, не издав ни единого звука, но его умные, ледяные глаза намертво зафиксировали меня, а мощные лапы были готовы к мгновенному прыжку. Это была та самая собака, с которой полковник когда-то ушел из семьи во время обычной вечерней прогулки. Полковник коротко скомандовал псу, удерживая его на месте, а затем повернулся к нам и сухо, без тени улыбки, предупредил прямо с порога:

— Руками ни к каким вещам не тянуться. К предметам в коридоре и комнатах не прикасаться. Собака обучена жестко: если увидит, что берете чужое, сразу отреагирует как на похищение имущества и кинется на поражение.

Этот ледяной инструктаж мгновенно сбил с нас праздничный настрой. Динара тихонько сжала мою ладонь, а я молча кивнул, понимая, что в этом доме любая оплошность может стоить крови. Хозяин кабинета «Особой важности» с первых секунд обозначил, кто здесь закон и власть. Всё это время я чувствовал себя в глубоком, изматывающем психологическом напряжении.

Когда мы прошли дальше, меня прошило странное чувство дежавю. Планировка новой квартиры оказалась точь-в-точь такой же, в какой мы сейчас жили с Динарой. С одним лишь отличием: здесь вместо трёх комнат было четыре. Полковник, обученный годами секретной службы, с точностью до сантиметра продублировал привычный для себя ведомственный периметр.

Во время обхода квартиры полковник сам показывал нам комнаты, а овчарка бесшумно следовала за нами, контролируя каждый мой шаг. Я внимательно сканировал пространство, и в какой-то момент мой взгляд намертво зацепился за ту часть стены, которая явно стояла не там, где должна была по стандартной логике. Она была сдвинута, перекрывая часть пространства. В нашей трехкомнатной квартире в этом самом месте была сделана потайная комната. Скрывать то, что я всё понял, я не стал. Развернувшись к полковнику, я посмотрел ему прямо в глаза и спокойно произнес:

— А у нас здесь больше места.

Фраза повисла в воздухе. Это был прямой вызов. Полковник перехватил мой ход мгновенно. На его лице не дрогнул ни один мускул. Его тяжелый, сканирующий взгляд, не поддававшийся ни одному методу гипноза, на долю секунды сузился, оценивая мою наглость. Но уже в следующее мгновение он неуловимым движением перекрыл мне обзор, добродушно улыбнулся и жестко отшутился, атаковав меня в ответ:

— А ты что присматриваешься? Продать, что ли, её хочешь? — и он коротко, раскатисто посмеялся, похлопав меня по плечу.

Маневр был выполнен безупречно. Этим смешком и ироничным вопросом он в секунду выставил меня в роли типичного коммерсанта эпохи девяносто третьего года, который якобы просто приценивается к элитной недвижимости и высчитывает рыночную стоимость квадратных метров. Он технично увёл меня в сторону от темы замаскированного бункера, дав мне ясно понять: ты всё видишь правильно, парень, но контроль и правила игры здесь принадлежат мне. Тема была закрыта наглухо, пес по его команде сделал шаг назад, и мы двинулись дальше к праздничному столу...

За столом нас ждала его новая женщина. К моему удивлению, она оказалась намного моложе полковника, но держалась уверенно и спокойно, полностью соответствуя статусу хозяйки этого элитного жилья.

Несмотря на колоссальное внутреннее напряжение, сам обед проходил в поразительно ровной атмосфере. Полковник вел диалог абсолютно спокойно. Он оказался чертовски интересным, эрудированным собеседником, который умел держать внимание аудитории легким, размеренным словом. К еще большему моему удивлению, он ни разу не заикнулся ни о моих текущих делах, ни о моем сомнительном прошлом, ни о моих проблемах с законом. Он словно вырезал эту тему из периметра стола. Но эта ведомственная деликатность не расслабляла — напротив, она пугала. Я кожей чувствовал, что начальник секретного отдела Лубянки просто не видит смысла спрашивать о том, что его аналитики уже давно положили ему на стол в виде подробных оперативных сводок.

Разговор тек в нейтральном русле, пока я сам не решил прощупать почву. В те дни я как раз наткнулся на одну любопытную статью и решил задать тестю прямой, довольно провокационный вопрос:

— Слушай, я тут на днях в «Комсомольской правде» прочитал историю про вашу внутреннюю кухню. Пишут, что ваш высший офицерский состав кушает строго отдельно от обычных солдат, на особом обеспечении. Это правда?

Полковник на секунду опустил приборы. На его лице снова не дрогнул ни один мускул, а тяжелый сканирующий взгляд, казалось, насквозь просветил мои мотивы. Но система суггестивного перехвата сработала так же изящно, как и у замаскированной стены. Он мягко улыбнулся, слегка прищурился и с легкой иронией в голосе парировал:

— А ты всегда веришь тому, что пишут в газетах? — и в его голосе прозвучал тихий, снисходительный смешок человека, который сам принимал участие в создании тех новостей, которые обыватели читали по утрам.

Этот ответ окончательно закрыл мне доступ к его внутреннему контуру. Новоселье завершилось в том же изматывающем психологическом тоне. Мы вернулись в трехкомнатную квартиру Динары. Я засыпал и просыпался в замаскированной цитадели, зная, что за мной наблюдает человек, способный одной шуткой перечеркнуть любую неудобную правду.

Внешнее кольцо контроля зафиксировало меня внутри семьи. Пришло время для следующего шага Системы — появления Петра Астафьева на моей фирме...

ГЛАВА 4. ПЯТЫЙ ЭТАЖ «ПЕКИНА»

После поездки на новоселье к полковнику иллюзий у меня не осталось. Я чётко понимал: ведомственный контур, в который я вошёл ради Динары, проницаем и опасен, даже если внешне всё выглядит как семейный обед с шутками. Но я не думал, что этот контур продублируют на моей собственной работе.

В том же девяносто третьем году я окончил Высшую школу риэлторов при Правительстве Москвы. По тем временам это была уникальная, передовая специализация — зарождающийся рынок столичной недвижимости сулил колоссальные возможности. Удивительным образом судьба привела меня на работу в самом центре столицы — в знаменитую гостиницу «Пекин».

«Пекин» начала девяностых жил своей, бурлящей и опасной жизнью. Никакой государственной «режимной охраняемой зоной» там и не пахло — в коридорах гостиницы постоянно крутились сомнительные личности, коммерсанты всех мастей и откровенный криминал. Наша структура — крупная американская компания, занимавшаяся международными переводами колоссальных объемов денежных средств, взяла в аренду целиком весь пятый этаж гостиницы. Для американцев это был бизнес, а для местных группировок — жирный кусок, вокруг которого постоянно шли терки. Контролировать такие теневые финансовые потоки чужакам не позволялось.

Именно там, среди офисной суеты пятого этажа, в нашей команде работал ещё один человек. Его звали Пётр Астафьев. Внешне он ничем не выделялся — вежливый, молодой, безупречно одетый юрист с отличными манерами. Он легко вписался в коллектив, профессионально разбирался в договорах и всегда был готов прийти на помощь. На тот момент я не знал и даже близко не догадывался, кто он такой на самом деле. Для меня и для всего руководства компании Пётр оставался просто классным, исполнительным штатным юристом.

Но однажды этот офисный глянец разлетелся вдребезги. На пятый этаж без всякого спроса влетели суровые, тяжело дышащие бандиты — классическая «крыша» тех лет. Они целенаправленно ломанулись к Петру, окружили его и начали натурально орать на глазах у всего офиса:

— Мы тебе что требовали?! — орали бандосы, багровея от злости и нависая над юристом. — Мы тебе говорили: поставь здесь защиту против обнаружения прослушки! За за что мы тебе бабки платим?!

Пётр бледнел, пытался их успокоить и технично увести подальше от чужих ушей, а я стоял в стороне и мотал на ус. Для бандитов он был нанятым за большие деньги специалистом, который должен был обеспечивать их теневым делам техническую безопасность от прослушивания силовиков. Они думали, что купили себе надежного человека.

Именно там, на пятый этаже «Пекина», я окончательно понял, в какую масштабную и опасную финансово-оперативную сеть меня вплели. Руководство американской компании доверяло мне безоговорочно. Раз в неделю мне выдавали ключи от мощного представительского джипа и передавали под личную ответственность два огромных, набитых доверху саквояжа с российскими наличными деньгами.

Моя задача была простой и одновременно безумной по меркам криминальной Москвы девяносто третьего года: я должен был один, без какой-либо охраны или сопровождения, сесть за руль, доехать до Тверской улицы и обменять эти миллионы рублей на наличную валюту, после чего вернуть доллары на пятый этаж. Суммы этих еженедельных операций были астрономическими — в эквиваленте они доходили до 2,3 миллиона долларов за один рейс. В то время за сотую часть этой суммы человека могли закопать в любом подмосковном лесу. Но я спокойно садился в джип и вёз эти саквояжи через центр столицы.

Каждый такой рейс был для меня тяжелейшим психологическим испытанием. Гостиница «Пекин» стояла на Большой Садовой, и когда я выруливал оттуда на Ленинградский проспект, перед моими глазами еженедельно вспыхивал огромный дорожный указатель со стрелкой вверх: «ШЕРЕМЕТЬЕВО».

Это было колоссальное, почти физическое искушение. В салоне джипа лежали два саквояжа, набитые миллионами чужих долларов. До международного аэропорта — всего полчаса по прямой трассе. Один поворот руля, один решительный шаг — и перед парнем из девяносто третьего года открывался весь мир. Можно было навсегда исчезнуть из этой разваливающейся, опасной Москвы, купить билет в один конец и приземлиться где-нибудь в Нью-Йорке или Париже обеспеченным человеком. Стрелка на Шереметьево буквально магнитом тянула к себе, проверяя меня на излом.

Когда внутри меня вспыхивало это безумное желание повернуть в Шереметьево, я и близко не подозревал, насколько плотно меня ведут. Я был наивен. Мне казалось, что достаточно нажать на газ, рвануть по Ленинградке в сторону МКАДа — и миллионы в кармане, а Система останется позади. Я не понимал главного: джип не доехал бы не то что до кольцевой МКАД — меня приняли бы еще на выезде со двора, прямо на Садовом кольце. Внешнее кольцо контроля полностью перекрывало все артерии.

Каждый раз в самую критическую секунду включался холодный разум. Я понимал, что с такими структурами шутки плохи, да и внутренние принципы не позволяли мне пойти на банальную кражу. Я гасил это безумное искушение, выравнивал джип и ехал выполнять свою работу.

Тогда я думал, что мне просто чертовски везёт и американцы ценят мою надёжность. Реальность оказалась намного изощреннее. Пункт назначения, куда я привозил деньги на Тверскую, был крупным коммерческим банком. Удивительным образом именно в этом банке работала Динара. И только значительно позже, когда вся мозаика сложилась воедино, я осознал: этот банк на Тверской работал под глухой, монолитной «крышей» секретного отдела госбезопасности. Того самого отдела, которым руководил мой будущий тесть.

Система выстроила безупречный, замкнутый цикл. Американское руководство думало, что ведёт независимый бизнес. В действительности КГБ полностью контролировал этот колоссальный валютный коридор. Пётр Астафьев фиксировал отправку саквояжей с пятого этажа «Пекина», Динара встречала меня в банке на Тверской, а ведомство тестя обеспечивало невидимую, но абсолютную безопасность этого маршрута. Меня пропускали через криминальный хаос Москвы без единого выстрела и наезда только потому, что я нёс в руках их собственные теневые потоки. Я был идеальным, слепым курьером внутри их системы.

Вся правда обрушилась на меня лишь спустя годы. Только тогда, собирая по крупицам разрозненные факты и пробивая закрытые каналы информации, я с леденящим кровь изумлением обнаружил архивные списки. Оказалось, что Пётр Астафьев являлся кадровым выпускником «горбачёвского набора» контрразведывательного факультета Высшей школы КГБ СССР выпуска июля девяносто первого года, прямо перед самым пугчем.

Система играла со мной и со всей Москвой втемную. Они внедрились профессионала контрразведки настолько глубоко, что он одновременно фиксировал каждый мой шаг, пока я возил миллионы долларов, и параллельно «курировал» бандитов, которые сами приносили ему свои тайны и платили за это деньги, даже не подозревая, что их прослушка пишется напрямую на Лубянку.

Я был полностью зажат в этом невидимом ведомственном кольце. Но если домашний контур полковника и рабочий контур «Пекина» действовали мягко и скрытно, то следующий удар Системы был нанесён с совершенно другой стороны. Маховик разработки вышвырнул меня из защищённой зоны Тверской прямо на улицы города, где меня уже ждал автономный

контур, не имеющий к семье никакого отношения. Пришло время моей роковой встречи у Белорусского вокзала с учёным-суггестором Александром Российским...

ГЛАВА 5. МОЙ ВНУТРЕННИЙ КОНТУР

Но перед тем как перейти к этой встрече, которая окончательно изменила всю мою жизнь, я должен рассказать о том, что на самом деле происходило внутри нашей квартиры. Квартиры, которая казалась тихой семейной гаванью, но в реальности была детально проработанным, скрытым полигоном Системы.

Биологический контур контроля, заперший меня внутри этих стен, был лишь первым, невидимым слоем паутины. Первой ласточкой стала наша маленькая Лесси — карликовый шелти. В обычные дни она вела себя как любая нормальная собака: стоило мне собраться на улицу, как она взрывалась искренним, радостным визгом и наперегонки неслась со мной до самого лифта. Наша вечерняя прогулка обычно укладывалась в короткий, отработанный ритуал: Лесси быстро делала свои дела прямо во дворе и тут же, не любя сырость и темноту, изо всех сил бежала обратно к тёплому подъезду. Но в один из вечеров эта привычная схема полностью сломалась.

Я обулся, открыл входную дверь, сделал шаг на лестничную площадку и нажал кнопку вызова лифта. Вдруг я поймал себя на мысли, что вокруг стоит звенящая, совершенно неестественная тишина. Обернувшись назад, в глубину коридора нашей квартиры, я буквально замер от удивления. Лесси не бежала за мной. Она сидела в прихожей, словно вкопанная. В её позе не было привычной собачьей жизни — она превратилась в абсолютно статичное, бездушное извращение с застывшим, остекленевшим взглядом. Никаких эмоций, никакого виляния хвостом, ни единого звука. Она гуляла у нас абсолютно без поводка, на полной свободе, и никогда не позволяла себе игнорировать выход. Меня это сильно поразило. В этом контролируемом замирании живого существа сквозило что-то аномальное и пугающее.

— Что происходит? — недоуменно спросил я, глядя на эту застывшую живую статую.

Из комнаты донёсся ровный, пугающе будничным голос тётки:

— Не волнуйся, Феликс. Пока чужой в подъезде, она никуда не денется. Как только станет безопасно, она пойдёт гулять.

Догадка обожгла меня изнутри: Лесси воспитывали не просто как домашнего пса — её ломали и дрессировали специалисты-кинологи с Лубянки. Маленькая шелти была живым био-датчиком. Система внедрила свой протокол секретности даже в её инстинкты — собака чувала посторонних за толстой дверью и мгновенно переходила в режим абсолютной маскировки, блокируя любые звуки и эмоции. Мы простояли в коридоре около пяти минут. Слышно было, как на лестничном пролёте глухо хлопнула тяжёлая входная дверь подъезда. Напряжение, сковавшее собаку, спало так же мгновенно, как и появилось. Лесси мотнула головой, тихонько тявкнула и спокойно вышла за мной к лифту, словно ничего не произошло.

Мы спустились и вышли на улицу. В девяносто третьем году ночная Москва не располагала к долгим прогулкам у воды, и то, что произошло дальше, казалось полной чертовщиной. Вместо того чтобы быстро сделать свои дела во дворе и повернуть обратно к дому, Лесси резко изменила поведение. Она побежала вперёд, начала яростно лаять, подпрыгивать, отбегать к арке и настойчиво звать меня прочь со двора — туда, в сторону канала. Её маленькое тело буквально дрожало от возбуждения, она оборачивалась на меня, припадала к земле и упрямо увлекла меня в темноту, подальше от освещённого пятка перед подъездом.

Я искренне удивился её поведению. На секунду я остановился и, повинувшись какому-то смутному предчувствию, обернулся назад. Я поднял голову и посмотрел на фасад нашего дома, отыскивая глазами окна нашей квартиры. Мы-то сами жили на предпоследнем этаже, высоко над землёй, и там всё выглядело мирно. Но когда мой взгляд опустился ниже, по тому же самому стояку, сердце пропустило удар. На третьем этаже, в точно такой же по планировке квартире, как и у нас, царила абсолютная, мёртвая темнота. Окна были глухими чёрными про-

валами, но за стёклами происходило какое-то странное, хаотичное движение. Я отчётливо увидел, как внутри этих пустых тёмных комнат, то в одной, то в другой, беззвучно перемещаются люди. Они ходили там с включёнными фонариками, узкие лучи которых то и дело мазали по голым стенам и потолку.

Эта картина меня по-настоящему шокировала. От неё веяло явной, подготовленной оперативной угрозой. Лесси делала абсолютно всё возможное, чтобы утянуть, увести меня как можно дальше от этого дома в сторону канала. Собака заливалась звонким лаем, отбегала вперёд, заглядывала мне в глаза и упрямо звала за собой. Я окончательно запутался в происходящем, но подчинился её напору и просто пошёл за ней в темноту ночного города.

Собака не просто гуляла — она сознательно, без всякого повода, контролировала моё перемещение, уводя меня подальше от здания. Мы ходили по темноте у воды очень долго, наверное, целый час. Каждый раз, когда я пытался развернуться в сторону родного подъезда, Лесси тут же перерезала мне путь, лаяла и упрямо увлекала меня обратно на круговой маршрут, не позволяя приблизиться к дому. Она спокойно, уверенно держала меня на безопасной дистанции до тех пор, пока внутри её маленькой головы не щёлкнул какой-то невидимый технический тумблер. В какой-то момент она вдруг затихла, мирно потрусила прямо к моей ноге и сама, без всякого принуждения, пошла в сторону дома. Пост на третьем этаже, видимо, закончил свою работу.

Когда мы поднялись на свой этаж и вошли в прихожую, внутри меня всё ещё дрожало от пережитого напряжения. Я разулся, прошёл на кухню и с порога взволнованно рассказал об увиденном тёще, надеясь получить хоть какое-то логичное объяснение этой чертовщине с фонариками в пустой квартире.

Тёща выслушала мой эмоциональный рассказ с тем же ровным, непроницаемым выражением лица, к которому я уже начинал привыкать. Никакого удивления в её глазах не появилось. Наоборот, она ответила так буднично, словно речь шла об обычном бытовом пустяке:

— А, это... Не обращай внимания, Феликс. Просто в наш подъезд, как раз на третий этаж, переехал префект нашего округа. Там сейчас обустраиваются.

Я хмыкнул, попытавшись перевести разговор в лёгкую иронию:

— Надо же, какие люди к нам переезжают. Солидный сосед. Надо будет как-нибудь при случае зайти, познакомиться, наладить контакты.

Но то, что тёща ответила на эту мою невинную шутку, заставило меня мгновенно заткнуться. Она посмотрела на меня в упор — тяжело, холодно и как-то снисходительно, после чего негромко произнесла:

— Ты никогда не сможешь узнать его в лицо. Даже если столкнёшься с ним в дверях.

От этой фразы повеяло глухим ведомственным тупиком. Насчёт «префекта» всё было шито белыми нитками: под этой гражданской маской Система просто легендировала появление в подъезде либо особо важной, глубоко засекреченной фигуры из руководства Лубянки, либо стационарного оперативно-технического поста, который развернули прямо под нашим стояком для круглосуточного контроля.

Но если случай с Лесси у канала и странным «соседом» на третьем этаже показал мне, насколько глубоко Система контролирует пространство вокруг дома, то уже на следующее утро она продемонстрировала свою жёсткую техническую изнанку. Ровно в шесть часов утра звенящую тишину комнат разрезал резкий, захлёбывающийся лай Лесси. Собака не просто подавала голос — она лаяла с какой-то яростной, инстинктивной тревогой, намертво уставившись на входную дверь.

Кое-как преодолев липкие остатки сна, я поднялся с кровати. На цыпочках, стараясь не скрипеть паркетом, подошёл к прихожей и прильнул к дверному глазку. На тускло освещённой лестничной площадке, прямо у нашего открытого электрического щитка, возился высокий мужчина. На дворе стояла тёплая погода, но на его голову была натянута объёмная мехо-

вая шапка. Он опустил её на самый лоб, явно пытаясь полностью скрыть лицо от любого случайного взгляда изнутри. Незнакомец быстро и сосредоточенно манипулировал какими-то тонкими проводами в хитросплетении кабелей. Тяжёлая предрассветная слабость сыграла со мной злую шутку. Я не придавал этому значения, подумал, что это очередной кабельный ремонт, повернулся и пошёл досыпать.

Настоящий, парализующий кошмар обрушился на меня ближе к девяти утра. Я сидел в кресле и лениво обсуждал текущие дела по домашнему радиотелефону. Внезапно линия со скрежетом прервалась, и на параллельный вызов прорвались соседи по подъезду. Их голос в трубке дрожал от плохо скрываемого, испуганного трепета:

— Феликс... Ты извини, конечно. Это абсолютно не наше дело, но мы подумали, что тебе просто жизненно необходимо это знать. Дело в том, что мы сейчас всей семьёй сидим на кухне, смотрим телевизор... и из динамиков на всю квартиру раздаётся твой голос. Мы до слова слышим всё, что ты прямо сейчас говоришь по своему телефону. Слышим твоего собеседника. Твоя личная жизнь сейчас транслируется на весь подъезд.

В ту же секунду у меня внутри всё заledenело, а воздух в комнате будто стал густым и осязаемым. Мозаика мгновенно сложилась в страшную картину. Утренний визит неизвестного в меховой шапке к щитку не имел никакого отношения к коммунальным службам — это была топорная, спешная техническая врезка. Мой радиотелефон был взломан и поставлен на тотальную прослушку.

Я, сам того не понимая, оказался идеальной, но абсолютно слепой фигурой на шахматной доске. С одной стороны, я спал и ел в доме начальника секретного отдела Лубянки, имея доступ к его быту. С другой — работал на пятом этаже гостиницы «Пекин» в американской компании, через которую колоссальными потоками прокачивалась теневая валюта. Эта чудовищная трансляция моих разговоров на обычные телевизионные антенны соседей могла быть результатом спешки и наводок некачественной аппаратуры, а могла — преднамеренной, жестокой психологической атакой спецслужб. Система сознательно выставляла прослушку напоказ, превращая мою жизнь в прозрачный аквариум, чтобы сломать мою психику.

Но страх быстро уступил место злости и холодному упрямству. Бросив трубку, я решительно шагнул в прихожую, рванул на себя тяжёлую входную дверь и вышел на лестничную клетку. Подойдя к металлическому электрощитку, я резко распахнул его дверцу. Среди стандартных советских тумблеров и перепутанных кабелей сразу бросилось в глаза чужеродное тело — небольшое устройство, топорно врезанное напрямую в контакты нашей телефонной линии. Пальцы действовали быстрее, чем накатывали мысли. Одним резким, жёстким движением я буквально выдрал этот жучок из щитка, оборвав провода и мгновенно обесточив канал трансляции. Технический контур контроля на этом этаже был физически ликвидирован.

Сжимая в кулаке холодную коробочку с оборванными проводами, я вернулся в квартиру и быстрыми шагами направился на кухню, где в утренних халатах сидели Динара и её мать. Внутри меня всё кипело. Я подошёл к столу и с глухим стуком бросил выдранное устройство прямо перед ними.

— Нас слушают, — выдохнул я, стараясь говорить твёрдо. — Наш телефон взломали. Соседи снизу только что сообщили, что включают телевизор и на всю квартиру слушают каждый мой разговор. Утренний тип в меховой шапке у щитка оставил вот это. Что происходит в этом доме?!

Я внимательно вглядывался в их лица, ожидая увидеть там естественный человеческий испуг. Но реакция женщин, выросших внутри ведомственного контура, отрезвила меня мгновенно. На их лицах не дрогнул ни один мускул. Тёща лишь медленно опустила чашку на блюдце, перевела свой ледяной, оценивающий взгляд на лежащий на столе жучок, а затем совершенно спокойно, без тени паники, произнесла:

— Дай мне его сюда. Я отдам бывшему мужу, он разберётся.

Я молча протянул теще холодную пластиковую коробочку. Она взяла её коротким, уверенным движением и тут же спрятала в карман своего домашнего халата, словно убирала со стола грязную салфетку. Никаких расспросов, никаких возмущений, никакого человеческого страха на этой кухне больше не прозвучало. Динара, сидевшая напротив, лишь отвела глаза и продолжала молча размешивать сахар в своей чашке, делая вид, что полностью погружена в утреннюю рутину. В этой семье действовал негласный, железный закон: о Системе вслух не говорят. Все инциденты топились в ледяном омуте абсолютного молчания. Ни Динара, ни её мать больше никогда не проронили ни единого слова о том утреннем щитке. Темы просто не существовало.

Я развернулся, вышел из квартиры и спустился во двор. Сев за руль своего джипа, я резко выжал сцепление и рванул с места в сторону Садового кольца. По дороге в гостиницу «Пекин» в моей голове творился настоящий ад. На Ленинградском проспекте шумела хаотичная, грязная Москва девяносто третьего года, а внутри меня нарастала глухая, удушающая паранойя. Безопасных мест в этом мире больше не оставалось.

Домашний контур КГБ, который я принял ради Динары, оказался не защитой, а стеклянной клеткой. Американская фирма в «Пекине» с её миллионными саквояжами долларов была лишь другим концом той же самой невидимой лески, за которую меня уверенно дергал невидимый кукловод. Меня вели. Каждый мой шаг, звонок и маршрут фиксировались аналитиками на Лубянке.

Они поняли, что технический и биологический контуры контроля внутри квартиры я начал физически вскрывать и ломать. Я выдрал жучок, я начал сопротивляться. И тогда Система решила сменить тактику — она вышвырнула меня из этого мягкого домашнего периметра прямо на бетон улиц, переведя на качественно иной, автономный уровень разработки. Меня ювелирно передали из рук в руки, и ниточка потянулась из того же самого банка на Тверской, где Динара встречала меня с саквояжами валюты. Звонок от её знакомых по банку казался чистой риелторской рутинной, обычной коммерческой сделкой, каких в день происходили десятки.

— Слушай, Феликс, тут у нас есть один очень солидный клиент, — небрежно бросил в трубку парень из кредитного отдела. — Большой учёный, серьёзный человек. Мы ему сейчас под масштабные государственные проекты открываем колоссальные кредитные линии. Ему нужна срочная помощь по твоему профилю, какой-то сложный вопрос с недвижимостью. Подсоби по своей части?

Я согласился, даже не подозревая, что этот звонок был финальным щелчком капкана Системы. Встречу мне назначили не в тихом офисе, а на нейтральной, глубоко подземной и шумной территории — прямо на платформе метро «Белорусская»-кольцевая.

Я спустился под монументальные своды станции, пробираясь сквозь бурлящий поток челноков с баулами, случайных военных патрулей и оглушительного грохота влетающих поездов. Я высматривал человека, чьё имя мне называли в банке. И мой взгляд почти сразу выхватил его в этой разношёрстной толпе.

Признаться, клиента с миллионными кредитами я представлял себе совершенно иначе. Но стоявший у массивного пилона мужчина неуловимо и пугающе напоминал Альберта Эйнштейна. Он выглядел по-научному безобразно и глубоко неряшливо: безумная, будто растрёпанная штормом копна седеющих волос, помятый, мешковатый и грязноватый пиджак. Но стоило мне подойти ближе и встретиться с ним взглядом, как вся эта внешняя чужаковатость рассеянного профессора мгновенно испарилась. На меня смотрел леденящий, абсолютно сфокусированный, аномальный интеллект. Этот человек смотрел не на людей — он смотрел сквозь них, проникая напрямую под черепную коробку.

— Александр Российский, — негромко представился он, и его тихий голос странным, гипнотическим образом полностью перекрыл оглушительный гул очередного прибывающего на платформу поезда.

ГЛАВА 6. ИГРЫ СУГГЕСТИИ

Мы стояли посреди шумной платформы «Белорусской»-кольцевой, и этот странный человек удерживал меня своим пронзительным взглядом.

— Феликс, — негромко произнёс он. — Мне сказали в банке, что вы лучший специалист по сложным, деликатным вопросам с недвижимостью. Мне нужна ваша профессиональная помощь. У меня возникла крайне специфическая проблема с документами на одну квартиру.

Он говорил сухо, как человек науки, перед которым возникла конкретная задача. Я включил свой привычный рабочий режим:

— Какая именно квартира, Александр? В чём конкретно сложность — права собственности, приватизация, аресты, или проблемы с цепочкой прошлых сделок? Мы можем решить любой легальный вопрос.

Российский слегка наклонил голову, и на его бледном лице промелькнула едва заметная усмешка.

— Здесь, под землёй, слишком шумно и неудобно обсуждать такие тонкости, Феликс. Давайте поднимемся наверх, на воздух. Там, на площади, поспокойнее, и я смогу детально объяснить вам всю суть этой проблемы с документами.

Он развернулся и быстрым, слегка рваным шагом направился к эскалаторам. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Мы поднялись на поверхность и вышли на площадь перед Белорусским вокзалом. Осенний воздух ударил в лицо, смешиваясь с запахами бензина и уличного дыма. Вокзальная площадь жила своей хаотичной жизнью, но Российский даже не смотрел по сторонам. Он отошёл чуть в сторону, к парапету, повернулся ко мне и наконец изложил суть дела.

Александр Российский пришёл ко мне с конкретным коммерческим вопросом. Он просто выложил суть дела:

— Феликс, мне нужны оригиналы документов на эту квартиру, которые украл мой бывший партнёр.

А то, какими именно путями и методами я буду забирать эти бумаги, его совершенно не волновало. Партнёр просто кинул его на документы, которые нужно было во что бы то ни стало забрать. Клиент чётко обозначил задачу, а её решение оставалось исключительно за мной. В то время на рынке недвижимости выживали только люди с железной хваткой, способные доводить любое дело до конца, поэтому я оценил ситуацию, спокойно кивнул и взялся за работу. Мы пожали друг другу руки, и процесс пошёл.

Поставленную задачу я выполнил быстро и профессионально. Конечно, пришлось изрядно постараться, но в результате все необходимые бумаги на объект — от свидетельства о праве собственности до последней вспомогательной справки — были у меня на руках.

Дело было сделано, оригиналами бланков я владел. Но играть роль слепого исполнителя не собирался. Созвонился с Российским, забил стрелку у Белорусского вокзала около палаток. Все бланки я заранее спрятал на теле под футболку, чтобы их нельзя было забрать силой. С пустыми руками я решительно сел к нему в машину.

Он приехал на бронированном шестисотом «Мерседесе» с двумя охранниками. Я сразу начал продавливать свой сценарий и решил предложить ему свои постоянные услуги по недвижимости и безопасности, но строго на моих условиях.

Однако Российский мои правила игры не принял. Наоборот, он сразу перешел в жесткую психологическую атаку, показав, что знает о каждом моем шаге.

— Феликс, мне сказали, что вы серьезный человек, — резко оборвал он меня. — Зачем же вы в банке интересовались, кто я и что я? Вам недостаточно доверия лично мне?

Я про себя подумал: «Во гады, и тут сдали». Стало очевидно, что банк, казавшийся независимым, полностью «слил» информацию о моем интересе к фигуре Российского в ту же секунду. Мы были просчитаны наперед.

— Давайте следовать согласно нашему договору, — жестко отрезал Российский.

Он сразу поставил меня на место, дав понять, что рамки игры определяет только он. Затем Российский отсчитал и передал мне причитающуюся по договору сумму — тогда это было ровно 3 000 долларов. Разговор близился к концу. Он сухо, как факт, упомянул о своей работе:

— Я работаю на правительство России, я учёный, и сделал определенный прибор.

В этот момент он показал мне двумя пальцами маленькое колечко, чтобы я понимал масштаб устройства, и уточнил его конкретную задачу:

— Если чиновник находится в кабинете, то волей-неволей, хочет он этого или не хочет, он подписывает абсолютно любой документ, даже если ему дать пустой лист бумаги.

Забрал гонорар, развернулся и уже почти выходил из машины. Но в эту самую секунду Российский резко остановил меня, жестко перехватив за руку. Я обернулся. Он смотрел мне прямо в глаза в упор, без тени эмоций, и отчетливо, разделяя слова, произнес финальную фразу:

— Вы должны обязательно знать, Феликс, что этот прибор я спрятал в видеомагнитофон, потому что за счет этого он работает.

Я вышел из бронированного салона на привокзальную площадь просто ошеломленный этими данными. Учитывая, что до этого мой радиотелефон уже взламывали и транслировали на весь подъезд через телевизионные антенны, я воспринял слова ученого с предельной, пугающей серьезностью. Внушение легло идеально: фраза про то, что секретный прибор спрятан в видеомагнитофон и работает именно за счет него, намертво засела в моем мозгу.

Дверь шестисотого «Мерседеса» захлопнулась с тяжелым, глухим прихлопом. Александр Российский не стал дожидаться, пока я переварю услышанное. Он развернулся и быстрым, рваным шагом пошел прочь сквозь толпу, мгновенно растворяясь среди вокзальной суеты. Охранники бесшумными тенями двинулись следом за ним, отсекая от него случайных прохожих.

Я остался стоять на заплеванном асфальте площади, сжимая в кармане пачку стодолларовых купюр. Вокруг кричали зазывалы, шумели палатки, пахло дешевым бензином и шаурмой, но весь этот уличный гул девяносто третьего года казался мне далеким и ненастоящим. Мозг лихорадочно прокручивал его последние слова. Прибор. Видеомагнитофон. Внушение, заставляющее подписать любой документ.

Я еще не знал, что ровно на следующий день на ВДНХ меня ждет далеко не случайное совпадение, которое превратит эти слова в парализующий кошмар...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.